
Александр ГАБРИЭЛЬ

ЖЖЕНЬЕ

Прозаики, поэты в самом деле
уже давным-давно узнать хотели,
оружие ль она, живая речь?
И чтоб король не оставался голым,
жил-был Поэт. Он жег сердца глаголом.
И ведь отменно получалось — жечь.

Что остальным сегодня остается?
Глагол-то есть, но он уже не жжется.
Глаголы не годятся на улов.
Каким же доверять небесным нотам?
Чем жечь? Деепричастным оборотом?
Наречием? Другим набором слов?

Пусть это от лукавого, дружище,
но все преснее вкус словесной пищи,
остывшей на поверхности листа.
Что скажут Одиссеи Навсикаям? —
Неужто, что огонь невысекаем
и сотен слов дороже немота?

Бесстрастное должно быть некрасиво.
Но ты — пиши, раз не писать не в силах,
тупи о белый лист карандаши.
Ведь нет того мгновения блаженной,
когда из слов на миг родится жженье —
там, под грудиной, в области души.

ЦЫГАНОЧКА

Нам бы больше упорства — завязтого, бычьего,
чтоб сработало делом оно и строкой...
Где надежда? Куда она скрылась обидчиво?
Как ее отыскать? Во Вселенной какой?
Удалилась от нас, как от города — дачница,
ей противна мышинная наша возня;
и желает теперь даже в списках не значиться.
Ей вольготней дышать без тебя и меня.

Александр Михайлович Габриэль — трижды лауреат конкурсов им. Николая Гумилева (2007, 2009, 2018), обладатель премии «Золотое перо Руси» 2008 года, автор многочисленных газетных и журнальных публикаций в США, России и других странах. Автор шести книг. С 1997 года проживает в пригороде Бостона (США).

Наши окна сегодня — в безжизненном инее,
носим души, как вещи с чужого плеча,
ведь из нас словно стержень решающий вынули,
перед боем лишив и щита, и меча.
Остается, минуты у вечности выгадав,
слепо верить, как Кеплер — в движенье планет:
нам надежда станцует цыганочку. С выходом.
Если кажется даже, что выхода нет.

ФЕРМОПИЛЫ

Зеленкой покрыт деревьев торговый ряд,
аллергики расхватали запас визина...
Здесь тишь и покой. Инфляция, говорят;
ссылаются на табло, где цена бензина.
И тучи, набухнув серым, пускают сок,
и вроде не время ствол направлять в висок.

Всем ближе свои. К аноду не льнет катод.
Жизнь вылилась в черно-белое «или — или».
Плывешь себе, астероид среди пустот,
в холодных, как лед, скоплениях звездной пыли.
Все глубже, тебя все глубже ведет нора.
И люди — отнюдь не братья. Признай, сестра.

Все те, кто любил тебя, кого ты любил,
будь двое их или двадцать, а может, двести —
в ловушке вблизи сомкнувшихся Фермопил.
Ни шагу назад, ни шагу вперед. Мы вместе.
А Ксеркс где-то рядом. Поступь его орды
в минуту затопчет наши с тобой следы.

Но все это мысли. Все в основном о`кей
в мирке разбитных одежек и блюд съедобных,
и хвалится рэив-новинками диск-жокей...
А где-то солдат стреляет в тебе подобных,
и пуля, прервав напев, и судьбу, и стих,
полет исчерпав, ложится у ног твоих.

БЕЗВРЕМЬЕ

Когда ветшает шелк былых знамен —
вокруг тоска, безветрие и тишь...
Безвременье — царица всех времен.
Правления ее не избежишь.
И в мире нет хулы и нет хвалы,
лишь метрономом тикает прибой,
и серых облаков лимфоузлы,
как гири, нависают над тобой.

Так было. Так и будет испокон.
Обманна человеческая суть.
Когда ты переходишь Рубикон,
так хочется обратно повернуть!
Берет бразды правления тобой
воинственной отрядов Чан Кайши
фантомная придуманная боль
фантомной и придуманной души.
И длится — с февраля и к февралю, —
пуская тени прошлого в распыл,
период между «Я тебя люблю...»
и нисходящим «Я тебя любил...».

СНЕГ

Укрывшись за законной пеленой,
бежит метели прозрачная лента...
Снег раздвигает крупкой ледяной
границы разрешенного контента.
В пространстве всепогодной нелюбви
все больше лжи, прилипшей между делом.
Но если видишь белое — зови
его таким, каким и видишь — белым.
Снег будет падать много-много дней,
и сами дни совьются в вереницы...
И станут только ярче и ясней
добра и зла размытые границы.
Сон разума умерит свой разбег,
проснутся звуки скрипок и валторны...
Войны не станет.
Будет падать снег —
свободный. Лучезарный. Безнадзорный.

КАК РАНЬШЕ

Давайте же, давайте жить, как раньше:
читать душеспасительные книги,
осваивать стипендии и транши,
следить за ходом дел в футбольной лиге.

Спокойствие — удел людей и мидий,
ведь правды нет ни на земле, ни выше.
Закрой глаза, чтоб ничего не видеть.
Зажми руками уши, чтоб не слышать.

Ведь все вокруг — смесь пустоты и страха,
и оттого-то раздается снова
взрыв смеха из холерного барака
над немудрящей шуткой из чумного.